

Метафора в образном строе „Псалтири” (по синодальному переводу)

ГАЛИНА Н. СКЛЯРЕВСКАЯ*

Слово „Псалтирь” в названии статьи как будто бы ориентирует внимание читателя на проблемы библеистики, однако данное исследование выполнено в русле не библеистики, а семантики. В нем метафора как семантическое явление рассматривается на необычном и, можно сказать, экстраординарном материале – русском переводе библейских текстов.

Я отдаю себе отчет в трудности и уязвимости поставленной задачи.

Во-первых, используя в качестве материала перевод, я пытаюсь исследовать образный строй Псалтири не с позиций языкового сознания автора этого текста и его адресата, а с позиции современного языкового сознания, при том что перевод осуществлен в XIX веке. Такой подход не даёт возможности опереться на языковую компетенцию людей, которым данный текст был адресован, что чрезвычайно важно в исследовании тропов, так как только языковая интуиция и языковая компетенция могут дать возможность и право решить, какой из языковых элементов наделен живой образностью и фигуральностью, а какой представляет собой семантически стандартное языковое явление.

* <https://orcid.org/0000-0002-3873-0039>, Санкт-Петербург, Россия, gsklyarevskaya@mail.ru

Во-вторых, как известно, в отношении образных языковых средств перевод может очень далеко отстоять от источника, в частности, многие метафоры перевода вообще могут отсутствовать в древнееврейском оригинале. Кроме того, при переводе священных текстов, особенно при переводе образных языковых средств, переводчику приходится учитывать множество условий и ради передачи адекватного смысла намеренно прибегать к трансформациям в подлинном тексте, в частности, переводить метафору в форме сравнения (Бикман и Куллоу 1994: 159 и след.). Это связано с тем, что переведенная метафора может быть непонятна носителю целевого языка в силу сочетания семантически несовместимых слов, „скрытого конфликта сочетаемости” (Бикман, Келлоу 2004: 138), за счет чего возникает характерная для метафоры семантическая аномалия, которая не только трудна для восприятия, но вообще делает смысл высказывания закрытым, закодированным.

Несмотря на эти серьезные оговорки и ограничения такое исследование, как мне представляется, имеет право на существование, во всяком случае оно дает новый, чрезвычайно ценный материал для современной теории метафоры и теории тропов вообще.

Первое, что обращает на себя внимание читающего Псалтирь – невероятная насыщенность текста образными языковыми средствами, практически каждый стих содержит тот или иной троп, часто совокупность, комплекс тропов. Здесь мы найдем практически полный список фигур речи, который только в дальнейшем, спустя несколько веков, был определен Аристотелем и, как это ни удивительно, с незначительными уточнениями используется и в наши дни: метафора, метонимия, синекдоха, гиперболы, гипоболы, олицетворение, образное сравнение и другие виды иносказаний.

В своих рассуждениях я буду ориентироваться на положения современной теории метафоры. Не имея возможности в краткой статье отразить хотя бы ничтожную часть поистине неисчислимого списка исследований в этой области, назову только некоторые, ставшие хрестоматийными и легшие в основу современной теории (Black 1962; Lakoff and Johnson 1980; Арутюнова 1979; она же 1990). Что касается практических работ, то в них я буду опираться на некоторые идеи и выводы своей монографии (Скляревская 1993) и ряда статей.

Итак, метафора, как и любой другой троп (или фигура речи), связана с совмещением двух языковых фактов – два представления соединяются воедино, за счет чего возникает иносказание, отказ от буквального значения. Иными словами, для тропа характерно то, что в одном знаке реализуется одновременно два значения – буквальное и иносказательное, переносное, связанные друг с другом разными типами связей (сходством, смежностью, противопоставлением и т.д.). Для тропа всегда характерна семантическая несовместимость, связанная с нарушением логической сочетаемости, и называние предмета именем, которое ему не принадлежит. При всем разнообразии взглядов на природу метафоры её сущностной характеристикой единодушно признается семантическая аномалия. Относя объект к классу, к которому он на самом деле не принадлежит, метафора утверждает нереальное положение вещей: *Господи! долго ли будешь смотреть на это? Отведи душу мою от злодейств их, от львов – одинокую мою.* Пс. 34:17. В этой метафоре утверждается, что люди, совершающие злодеяния, не сходны с львами, не напоминают львов, но являются львами.

Эта особенность формирует уже упомянутое главное свойство метафоры – семантическую несовместимость, то есть такое соположение референтов, в результате которого возникает семантическая концептуальная аномалия (МакКормак 1990: 380). В этой связи А. Н. Веселовский назвал метафору „бессодержательной игрой логики” и „намеренным отклонением от нормы” (Веселовский 1940: 442). Французский литературовед Ж. Дюбуа еще более категоричен: „Метафоры, эти маленькие семантические скандалы...” (Дюбуа 1986: 195); „метафора взрывает реальность, вызывает шок” (Дюбуа 1986: 202). Н. Д. Арутюнова утверждает, что „метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора – это вызов природе. Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге” (Арутюнова 1990: 17–18). Мы определили метафору в самых общих чертах, сказали о ней только то, что составляет ее сущность, без чего наши дальнейшие рассуждения о ней были бы невозможны.

Здесь необходимо сказать несколько слов о соотношении метафоры и сравнения. Аристотелево утверждение „метафора есть свернутое срав-

нение”, поддерживаемое на протяжении веков всеми исследователями, в последнее время в рамках теории концептуальной метафоры было пересмотрено и выдвинут новый тезис, который с максимальной степенью обобщения сформулировала Анна Вержбицка: „Метафора и сравнение различаются глубинными структурами” (Wierzbicka 1971: 137). Действительно, сравнение и метафора имеют глубокие семантические, синтаксические и структурные различия. Сравнение, в отличие от метафоры, представляет собой нормальную семантическую и синтаксическую конструкцию, в которой все слова не выходят за рамки той семантической категории, к которой они принадлежат. Сравнение просто для восприятия, в нем все слова семантически одноплановы и синтаксически каждое находится на своем месте. Совершенно очевидно, что сравнение не входит в один ряд с метафорой, поскольку не содержит не только семантической аномалии, но и никакого семантического сдвига: оба сравниваемых понятия остаются каждый в пределах той категории, к которой они могут быть отнесены на рациональном основании, не совмещаясь и не сливаясь. В сравнении нет иносказания: *Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище*. В этом плане нет иносказания также и в конструкции подобия (*он подобен льву*). Этот пример убедительно иллюстрирует современную концепцию: сравнение указывает на сходство, метафора утверждает тождество. Эта позиция изложена в статье *Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия* (Скляревская 2017).

Однако понимание метафоры только как тропа относится к истории. Так метафора была определена Аристотелем и в ряде исследований сохранила такое понимание до наших дней. Современная теория метафоры утверждает двойственную природу метафоры: не столько фигура речи, элемент поэтического дискурса, сколько универсальное и всеобъемлющее естественное явление языка, без которого язык не мог бы существовать.

Но и этим не ограничивается современная трактовка этого языкового феномена. В современной науке метафора понимается как необходимый и естественный инструмент познания, „орудие мышления”, более того, как промежуточное звено между действительностью, человеческим разумом и человеческой культурой. Метафора наполняет язык, и метафорический принцип организации языка – один из самых универсальных – таково понимание метафоры в когнитивной теории метафоры, которая получила

полную и глубоко аргументированную разработку в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Д. Джонсона (Lakoff and Jonson 1980: 8).

Мы исходим из того, что существует два вида метафор: метафора как фигура речи, троп, используемый как образное, выразительное языковое средство тем или иным автором, она всегда сохраняет индивидуальность и используется обычно в художественном тексте. И метафора как естественное средство языка, которая принадлежит всем, пронизывает весь язык, воспроизводима и является элементом лексической системы.

В основе образования любой метафоры лежит чувство аналогии, которое заставляет человека отыскивать связи между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями. В результате системного анализа языковой метафоры было обнаружено, что такие связи осуществляются в строго определенных направлениях, они исчислимы и вполне определены: предмет→предмет; предмет→человек; предмет→физический мир; предмет→психический мир; предмет→социальный мир; предмет→абстракция; животное→человек; человек→человек; физический мир→психический мир (Скляревская 1993: 67-100). Как оказалось, эти типы метафорических переносов в языковой метафоре имеют универсальный характер. Что касается метафоры художественной, то ее образование не связано с определенным типом метафорического переноса.

Лингвистический анализ перевода Псалтири дал возможность убедиться, что в этом священном тексте при всей его семантической и стилистической изоциренности, при отдаленности понятийной системы библейских времен от современности, в целом действуют те же законы метафоризации, что и в современном русском языке. За исключением одного решающего обстоятельства: антропоцентричность современного взгляда на мир заменяется теоцентричностью, и основным объектом метафоры выступает не человек, как в современных языках, а Бог, в связи с чем типологию приходится корректировать, дополняя новой единицей.

Как показал наш анализ, схема, разработанная на материале современного русского языка, имеет универсальный характер и вполне приложима к метафорам священного текста в его переводе.

Так же, как и в современных языках, в переводе текста Псалтири наиболее востребованным источником метафоры является семантическая сфера „предмет”.

Один из самых частотных типов метафорического переноса „Предмет→человек” реализуется в контекстах такого рода: *Ибо нет в устах их истины: сердце их – пагуба, гортань их – открытый гроб.* Пс. 5:10. *Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя.* Пс. 7:17. *Обветшали кости мои от вседневного стенания моего.* Пс. 31:3. *Слезы мои были для меня хлебом день и ночь.* Пс. 41:4. *Враги мои всякий день ищут поглотить меня; ибо много восстающих на меня, о, Всевышний!* Пс. 55:3. *Рассыпь народы, желающие браней.* Пс. 67:31. *Вожди их рассыпались по утесам.* Пс. 140:6

Переносы „предмет→физический мир” и „предмет→социальный мир” также существуют, хотя и представлены ограниченным числом употреблений: *Ты простираешь тьму, и бывает ночь.* Пс. 103:20. *Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря.* Пс. 138:9. *Правда и суд – основание престола Его.* Пс. 96:2

Напротив, перенос типа „предмет→психический мир” чрезвычайно активен: *И душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе?* Пс. 6:4. *Пусть враг преследует душу мою и достигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою и славу мою повергнет в прах.* Пс. 7:6. *Уста его полны проклятия, коварства и лжи; под языком его мучение и пагуба.* Пс. 9:28. *Из потока сладостей Твоих Ты напояешь их.* Пс. 35:9. *Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство.* Пс. 49:19. *К Тебе прилепилась душа моя.* Пс. 62:8–9. *Укрой меня от замысла коварных, от мятетжа злодеев, которые изострили язык свой, как меч; напрягли лук свой – язвительное слово.* Пс. 63:3–4. *Не напрасно ли я очищал сердце мое, и омывал в невинности руки мои.* Пс. 72:13. *Кладете на весы злодеяния рук ваших на земле.* Пс. 57:3. *Рано насыти нас милостью Твоей, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши.* Пс. 89:14. *В рабы продан был Иосиф. Стеснили оковами ноги его; в железо вошла душа его.* Пс. 104:17–18. *Они сидели во тьме и тени смертной, окованные скорбью и железом.* Пс. 106:10. *Гордые сплетают на меня ложь.* Пс. 118:69. *Помилуй нас, Господи, помилуй нас; ибо довольно мы насыщены презрением. Довольно насыщена душа наша поношением от надменных и уничтожением от гордых.* Пс. 122:3–4. *Положи слезы мои в сосуд у Тебя, – не в книге ли они Твоей?* Пс. 55:9

Метафоры этого типа особенно выразительны в форме генитивной конструкции: *Направляет меня на стези правды ради имени Свое-*

20. Пс. 22:3. *Помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости.* Пс. 44:8. *Ты дал испытать народу Твоему жестокое, напоил нас вином изумления.* Пс. 59:5. *Послал на них пламень гнева Своего, и негодование, и ярость и бедствие, посольство злых ангелов.* Пс. 77:49. *Отворите мне врата правды; войду в них, прославлю Господа.* Пс. 117:19. *Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, ядите хлеб печали.* Пс. 126:2.

Образ обыденного предмета используется, как мы видим, для наименования мучения и пагубы, коварства и невинности, злодеяний и милости, скорби и злословия, лжи и презрения. Такое многообразие метафор, использующих образ предмета для наименования всего разнообразия чувств, мыслей, эмоций, поведения, человеческих отношений и отношения человека к Богу, убедительно подтверждает современную идею теории метафоры о том, что наименование всех этих категорий можно выразить только метафорически и никак иначе, а также о том, что большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична (Lakoff and Jonson 1980: 8).

Среди прочих встречаются метафоры, принадлежность которых к тому или иному типу переносов не так очевидна. Это касается контекстов, в которых метафора осложнена другими видами тропов или весь контекст целиком представляет собой образную картину, некий построенный иносказательно сюжет:

Боже! Будь милостив к нам и благослови нас; освети нас лицем Твоим. Пс. 66:2. *Сыплются кости наши в челюсти преисподней.* Пс. 140:7

Метафорический перенос может быть осложнен синекдохой: *Ибо душа наша унижена до праха, утроба наша прильнула к земле.* Пс. 43:26. *Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей.* Пс. 118:105

Многие контексты приобретают наибольший лингвистический эффект и усиленную образность за счет насыщения метафорами, в некоторых случаях одноплановыми, а в других – весьма разнородными, семантически разнообразными, но в совокупности создающими целостный экспрессивный образ, своего рода некий перенасыщенный метафорический раствор:

Господь твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Пс. 17:3.

В других случаях усиленная образность создается своеобразным выходом на сюжет, изображением посредством метафоры целостной картины: *Возьми щит и латы и восстань на помощь мне; Обнажи меч, и прегради путь преследующим меня.* Пс. 34:2–3. *Слова Господни – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное.* Пс. 11:7. *Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его.* Пс. 90:4

Наибольшим семантическим эффектом обладает комплексный образный контекст: *Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною.* Пс. 41:8 В этом стихе в единстве представлены олицетворение (бездна призывает), гипербола (все воды) и метафора (голос водопадов). *Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться; Ты заповедал спасти меня, ибо твердыня моя и крепость моя Ты. Боже мой! избавь меня из руки нечестивого, из руки беззаконника и притеснителя.* Пс. 70 :3–4. Здесь метафора (*Ты убежище, Ты твердыня и крепость*) + синекдоха (*рука нечестивого = нечестивый*) + образный контекст. *Бог твердыня сердца моего.* Пс. 72:26. В этом примере перед нами сочетание метафоры и синекдохи, что усиливает образное восприятие. Такие типы осложненных метафор обычно являются индивидуальными и более характерны для художественного текста.

Многократно повторяемые метафоры обычно группируются в тематические группы, связанные с определенными ключевыми понятиями, наиболее очевидные из которых „защита”, „огонь”, „вода”, „стадо”, „одежда”.

Рассмотрим их.

Метафора защиты представлена такими единицами, как *щит, убежище, прибежище, покров, твердыня* и т.п., которые все без исключения реализуются в типе переноса „предмет→Бог”: *Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою.* Пс. 3:4. *Господь – крепость моя и щит мой.* Пс. 27:7. *Ибо Господь Бог есть солнце и щит.* Пс. 83:12. *Ты – покров мой и щит мой; на слово Твое уповаю.* Пс. 118:114. *Бог! – Непорочен путь Его, чисто слово Господа; щит Он для всех, уповающих на Него.* Пс. 17:31. *Только Он – твердыня моя, спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь более.* Пс. 61:3–4. В этом же псалме через 3 стиха повтор: *Только Он – твердыня моя и спасение мое,*

убежище мое: не поколеблюсь. Пс. 61:7. Господь – защита моя, и Бог мой – твердыня убежища моего. Пс. 93:22. Поспеши избавить меня. Будь мне каменной твердынею, домом прибежища, чтоб спасти меня. Ибо Ты каменная гора моя и ограда моя. Пс. 30:3–4. Ты – покров мой; Ты охраняешь меня от скорби, окружаешь меня радостями избавления. Пс. 31:7. Ты прибежище мое, Ты крепкая защита от врага. Пс. 60:4. Я воззвал к тебе, Господи, я сказал: Ты – прибежище мое и часть моя на земле живых. Пс. 141:5.

Метафора огня реализуется в типе переноса „Физическое явление→психическое явление”: *Ибо гнев Его возгорится вскоре. Пс. 2:12. Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою. Пс. 17:29. Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь. Пс. 38:4. Пламень гнева Твоего да обьет их. Пс. 68:25. Господь услышал, и воспламенился гневом, и огонь возгорелся на Иакова, и гнев подвинулся на Израйля, за то, что не веровали в Бога и не уповали на спасение Его. Пс. 77:21–22. И воспылал гнев Господа на народ Его. Пс. 105:40. Живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас. Пс. 123:3.*

Метафора воды представлена такими единицами, как *излить, омыть* и также реализуется в типе переноса „Физическое явление→психическое явление”: *Вспоминая об этом, изливаю душу мою. Пс. 41:5. Излилось из сердца моего слово благое. Благодать излилась из уст Твоих. Пс. 44:3. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня. Пс. 50:4. Излей на них ярость Твою. Пс. 68:25. Излил пред Ним моление мое. Пс. 141:2. Буду омыwać в невинности руки мои. Пс. 25:6.*

Семантически близки к метафоре воды и очень выразительны метафорические глаголы *таять* и *сохнуть* с производными. Глагол *таять* имеет метафорическое значение ‘медленно утрачивать свои свойства, незаметно исчезать’: *Земля тряслась, даже небеса таяли от лица Божия, и этот Синай – от лица Бога, Бога Израилева. Пс. 67:9. Всевышний дал глас Свой, и растаяла земля. Пс. 45:7. Терпели голод и жажду, душа их истаявала в них. Пс. 106:5. Истает душа моя о спасении Твоем. Пс. 118:81. Истает очю мои о слове Твоем. Пс. 118:82. Душа моя истает от скорби: укрепи меня по слову Твоему. Пс. 118:28. Истает очю мои, ожидая спасения Твоего и слова правды Твоей. Пс. 118:123.*

Метафорический глагол *иссохнуть*, в современных русских словарях толкуемый как ‘очень исхудать, стать истощенным’, в переводе Псалтири реализует другую семантику: ‘утратить жизненную силу, стать слабым, бездейственным’, обычно с компонентом каузации: *Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих*. Пс. 6:6. *Иссохло от горести око мое, душа моя и утроба моя*. Пс. 30:10. *Изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли*. Пс. 30:11.

Метафора одежды представлена единицами *препоясать* и *облечься* (тип переноса „предмет→психический мир”): *Бог препоясывает меня силою*. Пс. 17:33. *Ты препоясал меня силою для войны*. Пс. 17:40. *Препояшь Себя по бедру мечем Твоим, Сильный, славою Твоею и красотой Твоею*. Пс. 44:4. *Ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретнице и препоясал меня веселием*. Пс. 29:12. *Поставивший горы силою Своею, препоясанный могуществом*. Пс. 64:7. *Холмы препоясываются радостью. Луга одеваются стадами*. Пс. 64:13–14. *Он облечен величием, облечен Господь могуществом и препоясан: потому вселенная тверда, не подвигнется*. Пс. 92:1. *Священники Твои облечутся правдою*. Пс. 131:9. *Врагов его облечу стыдом*. Пс. 131:18. *Да облечутся в стыд и позор величающиеся надо мною*. Пс. 34:26.

Метафора сети (как образ насилия, плена) по данным *Симфони* на Ветхий и Новый Завет чрезвычайно широко употреблялась во всех текстах Ветхого Завета, представлена она и в Псалтири типом „предмет→социальный мир”: *Очи мои всегда к Господу; ибо Он извлекает из сети ноги мои*. Пс. 24:15. *Выведи меня из сети, которую тайно поставили мне, ибо Ты крепость моя*. Пс. 30:5. *Сети нечестивых окружили меня; но я не забывал закона Твоего*. Пс. 118:61. *На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня*. Пс. 141:3. *Нечестивые поставили для меня сеть; но я не уклонился от повелений Твоих*. Пс. 118:110. Обычно метафорический сюжет представлен таким образом, что сети на пути псалмопевца ставят нечестивые, а Бог освобождает его. Однако образ сети может встречаться и в угрозе нечестивым со стороны псалмопевца: *Да будет трапеза их сетью им, и мирное пиришествво их – западнею*. Пс. 68:23.

Метафора стада и Пастыря как образ группы людей, верующих в Бога и следующих за Богом: *Господь – пастырь мой*. Пс. 22:1. *А мы, народ Твой и Твоей пажити овцы, вечно будем славить Тебя и в род*

и род возвещать хвалу Тебе. Пс. 78:13. Он есть Бог наш, и мы – народ паствы Его и овцы рук’и Его. Пс. 94:7. Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы – Его, Его народ и овцы паствы Его. Пс. 99:3.

В краткой статье удалось только прикоснуться к самым общим представлениям о метафоре в переводе текста Псалтири. За пределами этого обобщенного и потому неизбежно поверхностного исследования остаются многие важные вопросы, такие, как соотношение метафоры и сравнения, метафоры и уподобления, противопоставление как имплицитная форма метафоры, синкретическая метафора, взаимодействие разных видов тропов в пределах одного метафорического контекста и другие.

Литература

- Арутюнова Н. Д., 1990, Метафора и дискурс. – *Теория метафоры. Сборник*, пер. с англ, фр., нем., исп., польск. яз., вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой, общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной, Москва, с. 5–32.
- Арутюнова Н. Д., 1979, Языковая метафора (синтаксис и лексика). – *Лингвистика и поэтика*, ред. В. П. Григорьев, Москва, с. 147–173.
- Бикман Дж., Келлоу Дж., 1994, „Не искажая слова Божия...” *Принципы перевода и семантического анализа Библии*, пер. с англ. Д. В. Дмитриев, Санкт-Петербург.
- Веселовский А. Н., 1940, Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. – А. Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, Ленинград, с. 125–199.
- Дюбуа Ж. и др., 1986, *Общая риторика*, пер. с франц. Е. Э. Разлоговой и Б. П. Наумова, Москва.
- МакКормак Э., 1990, Когнитивная теория метафоры. – *Теория метафоры. Сборник*, пер. с англ, фр., нем., исп., польск. яз., вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой, общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной, Москва, с. 358–386.
- Симфония на Ветхий и Новый Завет*, 1900, т. I и т. II, Санкт-Петербург.
- Скляревская Г. Н., 1993, *Метафора в системе языка*, Санкт-Петербург.
- Скляревская Г. Н., 2017, Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия, „*Мир русского слова*”, № 4, с. 9-18.
- Black M., 1962, Metaphor. – M. Black. *Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy*, Ithaca–London, p. 25–47.
- Lakoff G., Jonson M., 1980, *Metaphors We Live By*, Chicago.

Wierzbicka A., 1971, Porównanie – gradacja – metafora, „*Pamiętnik Literacki*” 62/4, s. 127–147.

References

- Arutyunova N. D., 1990, Metafora i diskurs. – *Teoriya metafory. Sbornik*, per. s angl, fr., nem., isp., pol'sk. yaz., vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoy, obshch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy, Moskva, s. 5–32.
- Arutyunova N. D., 1979, Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika). – *Lingvistika i poetika*, red. V. P. Grigor'yev, Moskva, c. 147–173.
- Bikman Dzh., Kellou Dzh., 1994, „*Ne iskazhaya slova Bozhia...*” *Printsiipy perevoda i semanticheskogo analiza Biblii*, per. s angl. D. V. Dmitriyev, Sankt-Peterburg.
- Black M., 1962, Metaphor. – M. Black. *Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy*, Ithaca–London, p. 25–47.
- Dyubua Zh. i dr., 1986, *Obshchaya ritorika*, per. s frants. Ye. E. Razlogovoy i B. P. Naumova, Moskva.
- Lakoff G., Jonson M., 1980, *Metaphors We Live By*, Chicago.
- MakKormak E., 1990, Kognitivnaya teoriya metafory. – *Teoriya metafory. Sbornik*, per. s angl, fr., nem., isp., pol'sk. yaz., vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoy, obshch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy, Moskva, s. 358–386.
- Simfoniya na Vetkhiy i Novyy Zavet*, 1900, t. I i t. II, Sankt-Peterbug.
- Sklyarevskaya G. N., 1993, *Metafora v sisteme yazyka*, Sankt-Peteburg.
- Sklyarevskaya G. N., 2017, Metafora i sravneniye: logicheskiye, semanticheskiye i strukturnyye razlichiya, „*Mir russkogo slova*”, № 4, c. 9-18.
- Veselovskiy A. N., 1940, Psikhologicheskiy paralelizm i yego formy v otrazhenii poeticheskogo stilya. – A. N. Veselovskiy, *Istoricheskaya poetika*, Leningrad, s. 125–199.
- Wierzbicka A., 1971, Porównanie – gradacja – metafora, „*Pamiętnik Literacki*” 62/4, s. 127–147.

The metaphor in the figurative system of the Psalter (according to the Synodal translation)

The article gives a brief understanding of the metaphor within the modern theory of conceptual metaphor, as well as puts forward arguments substantiating semantic, syntactic and structural differences between the metaphor and the comparison. This is indeed important for the study of the figurative system of the Old Testament, since in translation many metaphors are given in the form of comparison.

At the root of any metaphor lies the sense of analogy, which makes one look for links between most distant entities and not just between objects of the sensually perceived world, but also between concrete objects and abstract notions. A systematic analysis of the metaphor (based on texts of the modern Russian language) has shown that such links are formed in strictly defined directions. Moreover, they are countable and quite concrete as in the following pairs: object→object; object→man; object→physical world; object→psychic world; object→social world; object→abstraction; animal→man; man→man; physical world→psychic world. The extensive material analyzed in the article demonstrates that the Psalter, with all its semantic and stylistic sophistication and remoteness of biblical notions from modern ones, makes use of the same laws of metaphORIZATION as we do today except for one crucial circumstance: anthropocentricity of the modern times is substituted with theocentrism, thus making the central object of the metaphor not man, as in modern languages, but God: *But You, O LORD, are a shield for me; His wrath is kindled; Grace is poured upon Your lips; It is God who arms me with strength; The LORD my God will enlighten my darkness* and so on.

Key words: *metaphor, figurative system of the Psalter*

